

М.В.ЛОМОНОСОВ: ИСТОКИ И ОПЫТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

У статті кандидата філософських наук, доцента, завідувача кафедри філософії Донецького національного технічного університету Людмили Опанасівни Алексєєвої робиться спроба реконструкції багатої організаційно-освітньої спадщини великого вченого-енциклопедиста М.В.Ломоносова. Проводиться паралель між просвітницькою діяльністю М.В.Ломоносова та В.І.Вернадського, пов'язаних з трьома культурними центрами – Москвою, Петербургом і Києвом.

Ни раньше, ни позже в нашей стране не было более своеобразной, более полной творческого ума и рабочей силы личности

В.И.Вернадский

Вернадский и Ломоносов. Эти два имени олицетворяют собой крупнейшие достижения отечественной и мировой науки. Их единит энциклопедическая образованность, пламенный патриотизм, культ служения отечеству, устремленность в будущее. Оба сумели подняться над повседневностью, выйти за рамки своей эпохи, определить новые научные направления и мировоззренческие ориентиры человечества. Оба осознали свое великое предназначение и подчинили ему свою жизнь.

В этой связи Е.А.Баратынский писал о Ломоносове: «Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение, должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия» [Цит. по: 1, 6]. Жизненный подвиг Ломоносова начался с его ухода в Москву, когда он решительно шагнул навстречу своему жизненному предназначению – исполнить поручение, данное дарованием. И в зрелые годы чувство ответственности перед своим даром проявлялось у него «постоянно и непревратно». Не меньше оно было развито и у В.И.Вернадского.

Ломоносов знал, что он избранник судьбы. Знал это и Вернадский. Оба несли свое избранничество с честью и достоинством. Их индивидуальные творческие устремления всегда соответствовали назревшим потребностям развития общества.

Ломоносов продолжал дело просвещения России, начатое Петром I. «Петр как будто «поручил» Ломоносову, – писал И.Лосиевский, - действовать на тех участках российской «стройки», где он не чувствовал себя профессионалом – в области науки и искусства» [2, 6].

Исследователи творческого наследия Ломоносова приходили к выводу, что он из тех гениев, которые появляются в истории народов не то, чтобы раз в столетие или раз в тысячелетие, а вообще – *один* только раз [1, 8]. Соглашаясь с высокими оценками уникальности и универсальности гения Ломоносова (он был «первым нашим университетом» и «русским ренессансом в одном лице»), не будем забывать, что уже через полтора столетия в России появляется ученый такого же редкого дарования – В.И.Вернадский (по словам академика Л.С.Берга, он «в своем лице, как бы представлял всю Академию»). Каждый из них принадлежал своей эпохе исторического перелома, был человеком Долга, «благородной упрямки» (слова Ломоносова о себе. Вернадского называли «упрямым хохлом»). Вся их жизнь была подчинена «поисканию истины» (термин Ломоносова), оба самозабвенно служили науке и просвещению. Если преемственность в научной и научно-организационной деятельности Ломоносова и Вернадского получила достаточно полное отражение в исследованиях И.И.Мочалова, М.С.Бастраковой, А.В.Лапо [3, 3-10] и других, то параллели в области их просветительской деятельности практически не попали в поле внимания ученых.

Между тем, масштабы деятельности обоих в области просвещения впечатляющи. Просветительская деятельность Ломоносова и Вернадского связана с тремя культурными центрами – Москвой, Санкт-Петербургом и Киевом. Попытаемся в некоторой степени восполнить образовавшийся пробел, реконструируя их опыт в создании университетов и других учебных учреждений.

Михаил Васильевич Ломоносов родился 8 (19 ноября) 1711 года в деревне Мишанинской Архангельской губернии в семье крестьянина-помора. Поморы издавна занимались хлебопашеством, рыбной ловлей и зверобойным промыслом. В нашей литературе сложилось почти общепризнанное представление о том, что Михаил Ломоносов выходец из «самых низов» народных. В публикациях последних лет эта позиция уточняется, исследователи отмечают, что она не получает документального подтверждения. Отец будущего ученого – Василий Дорофеевич – был человеком состоятельным, имел просторный собственный дом, крупный надел земли. Будучи по природе человеком умным, предприимчивым, он построил новый большой, надежно оснащенный двухмачтовый гукор – крупнейшее по грузоподъемности судно на Белом море. Василий Дорофеевич, опытный полярный мореход, занимался не только рыбной ловлей и зверобойным промыслом, но и перевозил товары по всему побережью Северной Двины, Белого моря и Ледовитого океана. Безусловно, такие владения требовали повседневных и напряженных трудов. Михаил вырос в семье тружеников. Вспоминая об этом уже в зрелые годы, он свидетельствовал, что свое состояние его отец «кровавым потом нажил» [4, 323].

Ломоносов и сам с 10-летнего возраста приобщился к нелегкому труду поморов. Вместе с рыбацкой артелью мальчик часто ходил на морской промысел – к Соловкам, Мурманскому побережью и даже Шпицбергену и Новой Земле. Разделяя со взрослыми мореходами трудности их промысла, Михаил приобрел необходимые трудовые навыки, научился вглядываться в окружающий мир, в котором его поражали как разнообразная, величественная природа Севера, так и разнообразная человеческая деятельность, мастеровитость поморов. Михаил восхищался искусностью опытных мореходов, имеющих необходимые навигационные навыки, а также знающих компас, умеющих пользоваться «зрительными трубами», угломерными приборами в далеких морских переходах. На Беломорском побережье Ломоносов имел возможность наблюдать разработку месторождений полезных ископаемых (железной руды, меди, серебра); строительство

медеплавильных и железоделательных заводов; освоение соляных источников; знаменитую работу двинских литейщиков, кузнецов и других мастеровых, славившихся своим искусством [5, 30-34].

Все это значительно расширило кругозор юного помора, обогатило его разнообразными сведениями и пробуждало страстное стремление к познанию природы и мироустройства в целом. Здесь же зародился его интерес к родному краю, отечественной истории, самобытной культуре народа. Сильное впечатление на Ломоносова производило распространенное в Беломорском крае пение былин (тогда их называли старинами); богатство разнообразных художественных промыслов; приобщение к центру местной культуры - Холмогорскому архиепископскому дому, где была обширная библиотека и немало воспитанников Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской Академий. Юный Ломоносов познакомился с архиепископом Соловецкого монастыря Варсонофием, который запомнился ему как «умножитель наук и школ любитель» [Цит. по: 5, 31]. Дружественные связи с этим духовно богатым человеком он поддерживал всю жизнь.

Во время плавания по северным морям Михаил заслушивался рассказами отца и промысловиков из его артели о славном далеком прошлом мореходов, об их историческом участии в полярных плаваниях вдоль Ледовитого океана, об открытии ими Сибири, описании ее рек и горных хребтов. Его воображение поражали рассказы отца о бурных событиях недавнего, но ставшего уже историей петровского времени, о приезде молодого царя на Двину. Петр I охотно привлекал опытных мастеровых-поморов к строительству флота в России. Благодаря этим рассказам, образ Петра запечатлен в сознании Ломоносова с детства. Петровские реформы оказали благотворное влияние на развитие русского Севера. Его деятельное население активно воспринимало все производственные и культурные новшества, которые проникали в Поморский край через Архангельск, единственный порт до основания Петербурга (1703г.), связывающий Россию многие десятилетия торговыми отношениями с Западными странами. Все это способствовало быстрому экономическому и культурному росту Поморья.

Нет сомнения, детские и юношеские годы, проведенные в Поморском крае, оказали заметное влияние на формирование личности Ломоносова, его мировоззрения, пробудили в нем большой интерес к знанию. Страстное желание учиться заставило уже повзрослевшего Михаила круто изменить свою жизнь.

В конце января 1731 года в 19-летнем возрасте с рыбным обозом он прибыл в Москву и поступил учиться в Славяно-греко-латинскую академию (или Спасские школы, или Заиконоспасское училище). Здесь он получил доступ к богатым летописным и книжным источникам монастырских библиотек, где помимо религиозной литературы, хранились русские летописи, хронографы, другие исторические книги. Параллельно с этим Ломоносов, намного опережая своих маловозрастных соучеников, изучил латынь, математику, физику, географию, проштудировал все философские книги в академической библиотеке. Но пытливый ум молодого помора, все еще наполненный впечатлениями живого и непосредственного общения с природой, не находил исчерпывающих ответов на те вопросы, которые он принес с Белого моря.

Поэтому осенью 1734 года по разрешению архимандрита Ломоносов направляется на один год в Киев с целью пополнить свои знания по философии и естественным наукам в Киево-Могилянском коллегиуме, который славился своими преподавателями и богатейшей библиотекой – той самой библиотекой, которую в 1918 году сумел сохранить для Украины В.И.Вернадский.

Однако надежды на получение новых знаний по естественным наукам и здесь не сбылись. Но молодой Ломоносов не спешил разочаровываться. Он, человек практичный и настойчивый, решил осмотреться и поискать «других сокровищ в киевской кладовой знаний» [1, 35]. Стремление Ломоносова извлечь как можно больше пользы из своей поездки в Киев, по мнению Евгения Лебедева, показывает, насколько сильна в нем была «поморская» практически-хозяйственная жилка [Там же]. В киевских монастырях он стал внимательно изучать древнерусские летописи, прослеживая важнейшие события отечественной истории, накапливая и запасая знания впрок. Впоследствии, цепко схваченные молодой памятью, они будут активно использоваться зрелым литератором и ученым в его одах, трагедиях, исторических произведениях.

Наряду с этим Ломоносов-студент с большим интересом изучал оригинальную архитектуру Киева, мозаичные и живописные шедевры Софии Киевской, Михайловского Златоверхого монастыря, Успенского собора Киево-Печерской лавры. Прослеживая «киевские университеты» Ломоносова, следует обратить внимание на то, что здесь он приобщился к искусству «киевской муссии» (то есть цветного стекла для мозаичного набора), которое произвело на него «ошеломляющее впечатление». Возможно, именно в это время у будущего ученого зарождается устойчивый интерес к «мозаичному» искусству и к стекольному делу в целом, получивший реальное воплощение в построенной им фабрике цветных стекол в деревне Усть-Рудице, недалеко от Ораниенбаума (теперь г. Ломоносов) под Петербургом. Академик Ломоносов сам был автором проекта этой стройки и, если говорить современным языком, ее прорабом, потом – директором, главным инженером, главным технологом, наладившим, как основное художественное производство, связанное с созданием мозаичных полотен, так и производство побочное – выпуск разнообразной стеклянной посуды и другой бытовой продукции. В этом последнем случае Ломоносов добивался неизвестного доселе разнообразия цветных оттенков всех выпускаемых изделий. Впоследствии установлено, что созданные Ломоносовым мозаичные картины «Нерукотворный спас» (1753г.) и Портрет Петра I (1754г.) по манере исполнения напоминают мозаики Михайловского Златоверхого монастыря [1, 35].

Об увлеченности Ломоносова стекольным делом свидетельствует написанное им в поэтической форме графу И.И.Шувалову «Письмо о пользе стекла» и упоминание о «киевской муссии» в его «Химических и оптических записках».

В Москву студент Ломоносов возвращается в эмоционально приподнятом настроении, обогащенный новыми знаниями и творческими замыслами. Поездка в Киев значительно расширила его представления о русской культуре, обнаружила энциклопедичность его творческих устремлений уже на этапе студенческих научных поисков.

Подводя итог первого периода академического обучения Ломоносова, можно констатировать, что он был плодотворный, заметно обогативший молодого помора разнообразными знаниями.

После годичного пребывания в Киеве Ломоносов продолжает учебу в Славяно-греко-латинской академии, но уже в начале 1736 года в числе наиболее одаренных (в «науках достойных») при поддержке Феофана Прокоповича он

отправляется совершенствовать свои знания в только что открытую Корфом семинарию при Академии наук в Петербурге. Там же вскоре он получает право на заграничную стажировку и уже в ноябре 1736 года приезжает в Германию, где погружается в изучение естественных наук, горного дела, металлургии в Марбургском университете и Фрайбергской горной академии. Естественные науки и философию он изучает под руководством известного немецкого просветителя Х.Вольфа. Ломоносов высоко ценил своего университетского наставника как разностороннего исследователя и прекрасного педагога, хотя дискутировал с ним и расходился по некоторым научным вопросам. Вольф был известен как продолжатель и популяризатор философских идей и взглядов Лейбница. Х.Вольф стремился сделать философию своего предшественника удобопонятной и с этой целью упрощал, переводил философские положения на рассудочный уровень их постижения. Вольф первый стал преподавать философию на немецком языке. Думается, что именно эти уроки своего учителя хорошо усвоил Ломоносов. Великую заслугу Вольфа в XIX веке отметил и Гегель в своих «Лекциях по истории философии», подчеркивая, что любой народ становится просвещенным и культурным, когда философствует, выражает философские понятия своими словами, на родном языке. И в этом огромная заслуга, по мнению Гегеля, немецкого просветителя, который имеет право быть назван учителем немцев, так как лишь Вольф «акклиматизировал философствование в Германии» [6, 417]. Всего этого нельзя забывать, говоря о просветительской деятельности Ломоносова.

Пушкин, несмотря на время, которое их разделяло, называет Ломоносова «великим *сподвижником* великого Петра». Это сподвижничество убедительно прослеживается и в области просвещения. Их объединяла страсть к наукам и ремеслам, неутомимая жажда знания. Оба верили в то, что могущество государства и благо народа находятся в неразрывной связи с развитием науки и образования. Осуществляя социальные преобразования, Петр I придал России стремительное ускорение в экономической, военной, политической, духовной областях. Наряду с новой армией, впервые созданным флотом, новой столицей, заботами Петра открыты новые светские учебные заведения, такие как Инженерная, Навигационная, Артиллерийская, Хирургическая школы, начало развиваться издательское дело, появилась первая газета, первый музей, учреждены Морская Академия и Академия Наук.

Следующий решительный шаг в этом направлении был сделан М.В.Ломоносовым. Преодолевая враждебное отношение академического руководства и реакционно настроенных влиятельных вельмож к развитию университетского образования (в их среде слышались возмущенные голоса «куда столько студентов и гимназистов»), Ломоносов инициирует создание университета в Москве и уже в первой половине 1754г. разрабатывает программу его устройства, активно обсуждая ее с графом Шуваловым, который проявлял интерес к личности и творчеству Ломоносова. Программа учреждения Московского университета была изложена в знаменитом письме М.В.Ломоносова к И.И.Шувалову в конце июня – начале июля 1754г., в котором он отмечает, что это предприятие надо учредить по примеру иностранных университетов «к истинной пользе и славе отечества» [7, 325-327]. Разработанные ученым проект и Устав Московского университета пошли в Сенат и императрице Елизавете как «Доношение» от имени графа И.И.Шувалова с незначительными изменениями. 12 января (25 января по новому стилю) 1755г. в Татьянин день императрица подписала «Указ об учреждении в Москве Университета и двух Гимназий». Этим же указом граф И.И.Шувалов назначался куратором университета.

В соответствии с проектом Ломоносова в университете создавались три факультета: философский, включающий физико-математическое и словесное отделение; медицинский и юридический. Московский университет стал центром науки, который сыграл неоценимую роль в развитии просвещения в России. В числе первых его профессоров были воспитанники Ломоносова – А.А.Барсов и Н.Н.Поповский. И впоследствии Ломоносовская традиция в университете поддерживалась и многими другими его учениками.

Обучаясь в университетах Германии, Ломоносов сумел не только получить глубокие и разносторонние знания в области конкретных наук, но и аккумулировать богатый опыт постановки университетского образования в Западной Европе. Анализируя этот опыт, В.И.Вернадский писал: «Проводя годы за границей, тесно входя в жизнь западных – преимущественно немецких университетов... русские люди приобщились к вековой жизни этих учреждений... Ломоносов, Радищев, метафизики 1830-1840 годов – сколько живого, глубокого, невыражаемого в словах, но вместе с тем действительного влияния вековой культуры на русское общество» [8, 119].

В самом начале XX века, обозревая историю развития русских университетов, В.И.Вернадский отмечал, что они испытали на своем пути многообразное влияние более древних, европейских университетов (немецких, голландских, шведских, польских) и учебных заведений Украины (например, Киево-Могилянской Академии, Кременецкого Лицея и т.д.). Но при этом, сохраняя общие с ними образовательные принципы, университеты России находили своеобразную форму их выражения, соответственно своим условиям и назревшим общественным задачам. Подчеркивая это, Владимир Иванович писал: «В живом и могучем теле русского государства и общества, очевидно, и не могло быть места простому механическому перениманию» [8, 120]. Нельзя не согласиться с В.И.Вернадским, который, зная самобытность русского гения, его глубокую и неразрывную связь с российским «житием», понимал, что не могло быть речи о слепом копировании западного опыта и бездумном подражании чужому.

Вопрос о том, кому принадлежит честь создания Московского университета, время от времени привлекает внимание исследователей. Наметилось два подхода в решении этого вопроса. Со времени подписания «Указа об учреждении в Москве университета...» официальная историография в России пальму первенства в создании Московского университета отдавала императрице Елизавете и ее фавориту графу И.И.Шувалову. Заслуги Ломоносова оставались в тени. Это представление получило распространение в России и в дореволюционное время. Наряду с этим утверждалась и другая позиция. А.С.Пушкин, М.А.Максимович, Н.В.Гоголь, Д.И.Менделеев, В.И.Вернадский и многие другие считали основателем Московского университета М.В.Ломоносова. Эта традиция получила развитие и в советское время (С.И.Вавилов, П.Л.Капица, Г.С.Васецкий, Б.М.Кедров, Б.Г.Кузнецов, Н.Ф.Уткина и др.).

Справедливости ради, необходимо отметить, что передовая Россия никогда не забывала о значении М.В.Ломоносова в истории Московского университета. Показательна в этом отношении юбилейная речь первого ректора университета Св.Владимира М.А.Максимовича «Об участии Московского университета в просвещении России» по случаю 75-летия

университета (1830г.). В этой речи отмечена основополагающая роль Ломоносова в создании Московского университета и дана характеристика его понимания просвещения. М.А.Максимович утверждал: «Истинное просвещение состоит в полном и гармоничном совершенствовании человека, согласовании знания и действия. Но дабы сие просвещение служило усовершенствованию всей России, для сего оно необходимо должно быть всеобщим уделом»... Люди, «имеющие влияние в обществе», должны обратить «все внимание» на «истинное и всеобщее просвещение – на содействие умственному ходу и усовершенствованию всех классов народа» [Цит. по: 9, 47].

Еще один важный аспект его речи. Максимович свидетельствует: «Шувалов, как просвещенный вельможа и царедворец был ходатаем у Елисаветы за университет, основателем его и первым куратором – Ломоносов внушил ему эту мысль и составил план для учреждения университета и был главным действующим лицом в этом деле... Ломоносов сделал все для просвещения России, что только можно было сделать гению-гражданину» [Цит. по: 9, 48].

Деятельность Ломоносова во имя русского просвещения запечатлена в прекрасных словах Пушкина: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был нашим первым университетом».

Современные исследователи, осознавая необходимость целостного восприятия прошлого, стремятся дать ему более взвешенную оценку. Один из них – Евгений Лебедев – защищает и обосновывает следующую точку зрения: автором идеи создания Московского университета, разработчиком его проекта и Устава является М.В.Ломоносов. Граф И.И.Шувалов поддерживал это великое начинание, принимал участие в обсуждении необходимых документов, представлял их в Сенате и императрице Елизавете на утверждение.

Анализируя отношения М.В.Ломоносова и И.И.Шувалова, Е.Лебедев замечает, если отвлечься от существующих сословных различий между ними, то это все-таки были отношения наставника и ученика, ученый был на шестнадцать лет старше молодого графа и в культурном отношении неизмеримо выше тянувшегося к наукам и искусствам фаворита. М.В.Ломоносов оказывал на молодого человека благотворное влияние, воспитывая в нем (о чем свидетельствуют многочисленные письма ученого) гражданственность, патриотизм, благородное стремление служить высокой цели – благу России, учил его использовать любую возможность для «приращения наук» и др. К достоинствам И.И.Шувалова необходимо отнести его отзывчивость к наставлениям учителя. Несмотря на молодость, граф видел смысл своего существования не в одних удовольствиях роскоши. Он не был чужд удовольствиям ума. Отмечая это, Е.Лебедев делает такой вывод: «Здесь то как раз и пролегает психологическая граница, которая одновременно смежает и разделяет Шувалова и Ломоносова» [Цит. по: 1, 293]. Вспомним, граф действительно тянулся к знаниям, он любил литературу, много читал, брал уроки стихосложения у Ломоносова, проявлял интерес к его научным опытам, переписывался с великими людьми и т.п. Но все это были любительские занятия для собственного удовольствия. Для Ломоносова же наука, поэзия, искусство были делом и условием всей его жизни [Там же]. Как раз в этом заключалось то, что их сближало и разъединяло одновременно.

Другой современный автор - Игорь Лосиевский считает, что Ломоносову удалось открыть Московский университет благодаря высокому покровительству. Он констатирует: «Это заслуга не только Ломоносова, но и графа Шувалова, которого также можно считать его основателем» [2, 19]. Развивая эту тему, Лосиевский критически оценивает устоявшуюся точку зрения, что в окружении Ломоносова были вельможи и чиновники, которые только вредили ему. Были среди них, настаивает этот автор, и немало тех, которые его любили и помогали. При императрице Елизавете его поддерживал И.И.Шувалов, а в начале Екатерининского царствования ему покровительствовал граф И.И.Орлов, «искренне восхищенный гением ученого и поэта». (После смерти Ломоносова именно он сохранил архив ученого). Возможно, благодаря таким покровителям Ломоносову удавалось выстоять в борьбе с противниками его творческих начинаний в Академии наук.

Не идеализируя Ломоносова как гражданина и человека, не делая из него икону, современные авторы отмечают его не всегда оправданную компромиссность, проявления лести, пристрастность. Бывали случаи, когда русский патриотизм Ломоносова принимал опасный характер, начинались поиски «врагов отечества» среди инакомыслящих ученых. Ему ставилось в вину даже то, что многое из его «патриотической» критики и борьбы с засильем иностранцев было взято организаторами Сталинской кампании, направленной против «безродных космополитов». Но вряд ли Ломоносов может отвечать за это.

Несмотря на эти и подобные примеры не лучшего поведения Ломоносова, И.Лосиевский заключает: «...все равно уже взвешены его труды и дни на весах истории, сразу, уверенно и навсегда перевесила другая чаша. Михаил Васильевич ведь тоже «наше все» [2, 23]. Основной своей обязанностью Ломоносов считал служение Отечеству, главной задачей – поднять его к тому общественному идеалу, который в свое время был только намечен Петром.

Рассматриваемая тема обязывает обратиться к еще одной яркой странице просветительской деятельности М.В.Ломоносова, связанной с академическими учебными заведениями. Академия наук была основана в Петербурге в 1726 году и с этого времени комплектовалась иностранными (главным образом, немецкими) учеными. Ломоносов был первым в России академиком русским по происхождению. Главную цель своей академической деятельности он видел в том, чтобы на ниве науки и образования продолжать дело Петра I, выполнять задачи, поставленные им перед Академией наук: способствовать тому, чтобы «не токмо слава сего государства для размножения наук нынешнем временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была» [Цит. по: 5, 136].

Наряду с научными исследованиями, Ломоносов всегда держал в поле своего внимания академические учебные заведения – Гимназию и Университет. Он нацеливал их на подготовку национальных кадров. Выступая за демократизацию Академии, ученый отстаивал право на занятие наукой и доступ к образованию представителей всех социальных слоев населения. Руководствуясь внесловным принципом, он настаивал: важно, «кто больше научится, а чей он сын в том нет нужды» [Цит. по: 9, 40]. Именно заботой об образовании собственного народа продиктовано, включенное в Ломоносовский проект Регламента Московских гимназий (1755г.) ограничение: в обоих гимназиях не должно быть иностранных учащихся более пятой доли. По опыту академической гимназии в Петербурге Ломоносов знал, что число детей иностранцев составляло в ней почти половину из общего списка учащихся, в отдельные годы и весь список составляли иностранцы. Неудивительно, что одним из существенных недостатков Академического Устава 1747 г. он считал

«узаконение постоянного приглашения иностранных ученых». Замещение иностранцами вакантных должностей в Академии он рассматривал как меру временную и вынужденную. «И сию статью, - указывал он, - выполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать» [10, 359].

На реализацию этой цели были направлены основные нововведения Ломоносова в учебном процессе, в их числе учреждение «российских классов», то есть циклов занятий по изучению русского языка и русской истории. Он сам начал читать в университете публичные лекции на русском языке по естественным наукам, обучал стихотворчеству и стилю русского языка, считая эти навыки необходимыми для любого специалиста.

Отечественное образование, по проекту Ломоносова, должно быть трехступенчатым: Гимназия, Университет, Академия. По его определению, «гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук. Из нее, следует ожидать, выйдет просвещенное юношество: молодые люди должны приучаться там к правильному образу мышления и добрым нравам» [11, 413]. Ломоносов рассматривал гимназию, с одной стороны в качестве предпосылочного структурного подразделения в университете (университет без гимназии «как пашня без семян»), а с другой – как самостоятельное среднее учебное заведение. Главная же роль в системе подготовки специалистов отводилась Университету. Он считал, что университеты должны создаваться в ответ на запросы жизни, для решения назревших практических задач. Этим принципом академик Ломоносов руководствовался ранее при создании проекта и Устава Московского и позднее – Петербургского Университетов.

Ломоносов понимал, что назревшая необходимость открытия Петербургского университета вызвана как потребностями развития самого государства, так и потребностями развития Петербурга, его инфраструктуры не только как академического центра, но и крупного города, который является столицей России, морским портом, многолюдным торговым центром, центром культуры, просвещения и т.д.

С учетом этого Ломоносов планировал количество студентов и преподавателей, число последних должно быть достаточным для обеспечения качества подготовки специалистов. Соответственно выстраивалась и структура Университета, система его управления, создавалась программа расширения университетского обучения и т. д. Вместо принятого в академическом университете деления на классы, он намечает создать по образцу западноевропейских университетов такие подразделения как факультеты. Для улучшения уровня научной подготовки студентов Ломоносов предлагал совмещение академиками научной и педагогической деятельности, что уменьшит университетские расходы, и профессора смогут «с лучшей стороны показать отечеству свое рвение» [12, 552].

Ломоносов основательно прорабатывал как самые принципиальные вопросы, так и детали, касающиеся церемонии открытия университета. В подготовленном для этого случая тексте публичного выступления подчеркивалось значение науки для развития страны, намечались перспективы использования молодых ученых в решении назревших практических задач освоения Сибири, изучения Северного морского пути, развития горного дела, строительства фабрик, совершенствования земледелия, развития торговли, укрепления безопасности страны и т. д.

Однако смелые планы Ломоносова не были реализованы при его жизни. Их осуществление затягивалось как по объективным причинам международно-политического, так и по субъективным причинам внутрисоциального характера. И только в 1819г. через 54 года после смерти Ломоносова был открыт Петербургский университет [5, 148-149].

Конкретизируя опыт Ломоносова, важно подчеркнуть, что ему удалось провести значительные организационные мероприятия по совершенствованию работы Гимназии и Университета, наладить в них подготовку отечественных специалистов. Поэтому Ломоносов имел все основания написать: «Порученные мне департаменты – Университет и Гимназия, не взирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке» [13, 80].

Подводя итоги, отметим, что намного опередила свое время Ломоносовская идея о непрерывности начального, среднего и высшего образования. В конце XVIII в. Высший правительственный орган России – Сенат – признает создание гимназий и начальных училищ «за весьма полезное обществу». Но понадобятся еще немало усилий государственных и личных, пока эта последовательная система образования будет внедрена в масштабе всей страны. Основной крупницей этого опыта, который подтверждается единой целью для всех ступеней образовательного и просветительного процесса является выращивание универсальной с точки зрения знаний и нравственных качеств личности ученого, специалиста. В этом заключается суть отечественной просветительской традиции, завещанной нам М.В.Ломоносовым.

Литература

1. Лебедев Евгений. Михаил Васильевич Ломоносов. – Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 1997. – 640с.
2. Игорь Лосиевский. «Душой блуждаю в древностях российских» // Ломоносов М. Записки по русской истории. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С.5-24.
3. Лапо А.В. Вернадский – Ломоносов XX века // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И.Вернадского. – Ленинград.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение. – 1988. - №4. – С.3-10.
4. Михайло Ломоносов. И.И.Шувалову 1753 мая 10 // М.В.Ломоносов. Избранные произведения. В 2-х томах. - Т.2. – М.: Наука, 1986. – С.323-324.
5. Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765). – М.: Наука, 1988. – 465с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга третья. – Санкт-Петербург: «Наука», 1994. – С.417-423.
7. Михайло Ломоносов. И.И.Шувалову июнь-июль 1754 // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. - Т.2. – М.: Наука, 1986. – С.325-327.
8. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // В.И.Вернадский. О науке. Том 2. Научная деятельность. Научное образование. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. – С.115-147.
9. Уткина Н.Ф. Ломоносов: к 275-летию со дня рождения. – М.: Мысль, 1986. – 224с.
10. Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии Наук // М.В.Ломоносов. Избранные произведения. В двух томах. –Т.2. – М.: Наука, 1986. – С.336-372.
11. Ломоносов М.В. Проект Регламента Академической Гимназии // Там же. – С.413-435.
12. Ломоносов М.В. Проект речи в академическом собрании о переустройстве университета // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 томах. Т.9. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – С.549-552.
13. Ломоносов М.В. Докладная записка о мерах к приведению Академии наук в доброе состояние // М.В.Ломоносов. Полное собрание сочинений. В 11 томах. Т.10. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. - С.78-80.